Владимир Горбан

БОЛЬШОЙ ПРИ
С МАЛОГО УЗЕ

Веселые рассказы.

Владимир Владимирович Горбань

Большой привет с Малого Узеня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18011906
ISBN 9785447464714

Аннотация

«Искать Малый Узень, речушку, берущую началов бескрайних Заволжских степях, на глобусе бесполезно. Если это, конечно же, не глобус Ершовского района Саратовской области», – уверяет Владимир Горбань, автор этого веселого сборника рассказов. Веселого и забавного автор знает немало, чем и готов поделиться со своими читателями. Эта книга примечательна тем, что помимо легкости пера, у автора весьма ироничные и жизнеутверждающие взгляды на окружающую действительность во всех ее проявлениях.

Содержание

Предисловие 5
Как я чуть было не стал официальным писателем 6
Город – призрак 8
Посиделки 10
Оказия 12
Дед Григорий 14
Старики и разбойники 17
Межгалактический контакт 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Большой привет с Малого Узеня
Веселые рассказы.
Избранное из избранного
Владимир Горбань

© Владимир Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Малый Узень – это такая живописная речушка с глиняно – илистыми берегами, поросшими редким ивняком. Речушка, берущая начало в центре Саратовского Заволжья и окончательно теряющая свои воды в песках Северного Казахстана. Она совсем маленькая, в верховьях ее в некоторых местах можно запросто с разбега перепрыгнуть. Если ненароком быть кандидатом в мастера спорта по легкой атлетике…

Искать Малый Узень на глобусе бесполезно. Если это, конечно же, не глобус Ершовского района Саратовской области…

На берегах Малого Узеня среди раздольных степей я родился, провел свое незабываемо неугомонное детство. Детский сад, школа, которую я окончил в 1981 году, находятся в непосредственной близости от реки. Потом я покинул малую родину в погоне за высшим образованием. Оказалось, покинул ее на долгие годы. Получением образования дело не закончилось. Повидал много и всякого. Скитался по миру, добывая себе пропитание в основном журналистским и литературным трудом. Даже в Париже трижды побывал…

Однако вернулся по велению судьбы туда, где появился на свет. Очень рад этому обстоятельству. И снова живу в пяти минутах неспешной ходьбы от Малого Узеня.

Этот сборник избранных смешных (я на это очень надеюсь) рассказов я посвящаю как своим землякам, так и огромному количеству друзей, знакомых, приятелей, рассредоточенных от Тихого до Атлантического океанов. И шлю им большой привет с Малого Узеня…

Как я чуть было не стал официальным писателем

Сочинять я стал рано, еще в дошкольном возрасте. Первая публикация случилась у меня в 16 лет в одной из областных комсомольских газет. Дальше – больше… но быстро только сказка сказывается…

Рано утром 20 августа 2015 года проснулся я в приподнятом настроении. И на то была причина, мне исполнился 51 год. Открыл ноутбук, залез в интернет, писем пришло много. Но одно из них меня прямо таки заинтриговало. Письмо было из Союза писателей. И не поздравительное, а скорее ругательное. Мол, так и так, уважаемый, когда соизволите заплатить членские взносы за текущий год?

Я напряг мысли. И попытался сообразить, кто же меня так изысканно разыгрывает? Мишка? Лёнька? Димка? Еще один Мишка или сам Михаил Семенович? Присмотрелся внимательно, письмо вроде как официальное, даже печать гербовая имеется и московский номер телефона. Думал, наберу, позвоню…

– Алло, здрасьте! – говорю в трубку, представляюсь и коротко объясняю причину звонка.

– Здравствуйте! Наконец – то! – радостно отвечает мне приятный женский голос. – Вы куда пропали?! Мы вас уже обыскались!

– Меня?

– Да, вас!

– По какому вопросу?

– Ну, как же, – приятный женский голос пополнился явными нотками осуждения, – взносы вы за этот год не заплатили, и фотографии у нас вашей ни одной подходящей нет. Такой фотографии, чтобы с улыбкой и без сигареты в зубах…

– А зачем вам мое фото?

– Как это зачем?! На писательское удостоверение!

– А кто вам сказал, что я писатель?

– Шутите? – обиделась женщина. – Мы уже год назад вас кооптировали…

– Да?! Теперь это так делается?!

– Вы издеваетесь?! Мы вас приняли в Союз писателей согласно вами же поданному заявлению!

– Это вы издеваетесь?! Согласно, какому заявлению?!

– Ну как же! Вы же подавали заявление в Саратовское отделение Союза писателей в июне 1993 года?

Я онемел от шока…

Я действительно подавал заявление. И даже получил три рекомендации. От писателя П., писателя К. и писателя С. Даже состоялось заседание по мою душу. Но меня не приняли. Писатель П. тогда даже меня успокаивал:

– Пойми, старик, тебе только будет 29 лет! А мы еще сорокалетних в Союз писателей не приняли! Формально ты проходишь… Но, не все так просто. Тут большую роль играет человеческий фактор. Всякие разные амбиции, самолюбие, даже гордыня! Ты пойми, мы еще не всех пятидесятилетних приняли! Подожди немножко, хотя бы лет пяток…

С той поры минуло 22 года…

Я издал семь книг, готовил восьмую, дописывал девятую…

Женщина в трубке начинала на меня явно давить:

– Вы когда перечислите членские взносы?

– Сразу за 22 года?!

– Почему за 22 года? Опять шутите?!

– Отнюдь, не шучу. Просто не вижу для себя никакого смысла состоять в вашей писательской организации.

– Как это?!

– Очень просто. Я написал заявление, когда был молод и глуп. Когда еще не понимал, что являться писателем и быть им – это не совсем одно и то же. Так что вычеркивайте!

– Что?!

– Вычеркивайте меня из своего списка!

– Вы с ума сошли!?

И я отключил трубку мобильного телефона…

Город – призрак

Однажды по Интернету мне пришло письмо из Германии следующего содержания:

«Здравствуйте, Владимир! Обращается к Вам пожилая супружеская пара. Мы, поволжские немцы, иммигрировавшие из Советского Союза более 30 лет назад. И мы совсем уже отвыкли от той жизни. На сайте Вашего журнала мы прочитали несколько юмористических рассказов, повествующих о жизни в нынешней России. Однако мы иногда смотрим некоторые российские телеканалы с помощью спутниковой антенны. И Ваши рассказы, как нам кажется, имеют мало общего с тем, что показывают по телевидению. Например, в рассказе об орнитологах Вы пишите, что…»

Я ответил на письмо следующим образом:

«Рассказ об орнитологах я написал в 1985 году. С тех пор прошло 24 года, и жизнь в России резко изменилась. Она также сильно отличается в зависимости от того, где люди живут. Столичные жители плохо представляют себе образ жизни в глухой провинции. И наоборот, жители какой – нибудь деревни Грязевки, лишенные всяких благ цивилизации, даже мыслят иначе, нежели москвичи».

На следующий день получаю по Интернету письмо:

«Уважаемый Владимир! Мы прочитали другие Ваши рассказы и не можем понять, Вы живете в столице или в провинции?»

У меня было игривое настроение и я, недолго думая, решил пошутить в свойственной мне манере запредельной иронии. Я написал следующее:

«Я живу в провинции, в городе Раздолбайске Раздолбайской области России».

Прошло четыре дня, и я уже решил, что немцы обиделись на мой такой, откровенно говоря, не совсем корректный ответ. Однако на пятый день таки пришло письмо:

«Здравствуйте Владимир! Мы супругой детально изучили карту России, но не нашли на ней ни города Раздолбайска, ни Раздолбайской области. Мы связались с местным университетом, где нам авторитетно заявили, что Раздолбайской области в России нет, а есть Ростовская область. Убедительно просим Вас сообщить нам, далеко ли находится Раздолбайск от Ростова на Дону?»

Я, не долго думая, отписал короткий ответ:

«Раздолбайск находится в 180 километрах юго – восточнее города Саратова».

Прошло четыре, а может и пять дней прежде, чем я получил новое письмо. Немцы явно увлеклись географией.

«Здравствуйте Владимир! Мы с супругой детально изучили карту Саратовской области, но Вашего города так и не нашли. Мы связались с местным университетом, где нам авторитетно заявили, что Раздолбайска может не быть на подробной карте в лишь том случае, если это очень маленький населенный пункт. Просим Вас уточнить, какое количество жителей проживает в Раздолбайске?»

Переписка меня уже настолько развлекла и увлекла, что я с огромным удовольствием продолжил «валять Ваньку».

«По китайским меркам наш городок совсем крошечный. В нем проживает около 30 тысяч жителей».

Следующее письмо пришло примерно через неделю. И я уже почти отчаялся его ждать.

«Здравствуйте Владимир! Мы с супругой посоветовались с нашими соседями и решили, что Ваш город по европейским меркам совсем даже не маленький. В нашем городке проживает всего 12 тысяч жителей, но он нанесен на все карты мира. Мы связались с местным университетом, где нам авторитетно заявили, что такой крупный город обязательно должен присутствовать на всех географических картах, если, конечно же, он

не является какой – нибудь секретной военной базой. Убедительно просим Вас сообщить нам, не является ли Раздолбайск секретной военной базой или другим объектом государственной тайны?»

От такого вопроса мне сделалось совсем разухабисто весело, и я продолжил прикалываться над пожилыми немцами:

«Нет, наш городок не является ни военно – морской базой, ни секретным ракетным полигоном. А нет его на карте, возможно, потому, что он по своей площади занимает очень мало места и мы все 30 тысяч жителей Раздолбайска проживаем в одной панельной пятиэтажке».

После такого моего письма наступило затишье в нашей переписке. И я решил, что немцы обиделись на мои дурацкие шутки. Но прошло две недели, и я получил долгожданное письмо:

«Здравствуйте Владимир! Мы связались с местным университетом и нам, к сожалению, ученые не могли дать внятного ответа. Тогда мы связались с главным архитектором нашего городка, и он нам авторитетно заявил, что если 30 тысяч человек живут в одной пятиэтажке, то либо она очень большая, либо квартиры в ней очень маленькие. Не могли бы Вы уточнить площадь Вашей квартиры. С нетерпением ждем Вашего ответа».

Я написал, что жилье у меня скромное, владею в четвертом подъезде двумя комнатами общей площадью 43 квадратных сантиметра.

Ответили они мне буквально в тот же день:

«Здравствуйте, Владимир! Мы перечитали всю переписку и поняли, что Вы шутите. Смеялись мы с женой так, что с первого этажа прибежала наша перепуганная дочь, полагая, что мы сошли с ума. Спасибо Вам за ваш замечательный розыгрыш».

Посиделки

Единственное окно моей комнаты в коммунальной квартире выходит в крохотный дворик, где по вечерам на бревнышке, скрытом кустами сирени, собираются старички, курят на свежем воздухе и беседуют. Все они в прошлом типичные работяги, неиспорченные гуманитарным образованием, разговоры ведут незатейливые, обрывки которых доносятся до меня сквозь распахнутую форточку. Иногда мне интересно их слушать. И тогда я откладываю в сторону рукопись, закуриваю…

– Ну, как его, ну, тот самый! – кричит первый старичок. – Ну, песню он еще про лодочку пел в кино.

– Это, в каком кино? – недоуменно вопрошает второй.

– Ну, в том, где они вместе с этим играли, как его?

– С кем? – вступает в разговор третий старичок.

– Ну, с этим, как его там? Песню они еще пели про лодочку.

– Про какую лодочку? – не может понять четвертый.

– Ну, ты кино видел?

– Какое кино – то? – переспрашивает второй.

– Где песню пели, что ли? – злится третий. – Про лодочку?

– Ну да.

– С Крючковым, что ли?

– Точно, с Крючковым.

– Меркурьев?

– Ага, – радуется первый старичок. – Так вот этот самый Меркурьев у нас в локомотивном депо слесарем начинал.

– Да ну! Не может быть! – поражается второй.

– Точно говорю. Я сам с ним работал во втором цехе.

– Это, в каком же году? – язвительно вопрошает третий. – До войны что ли?

– Нет, сразу после войны.

– Да как же он мог работать в локомотивном депо, когда он в те годы в кино снимался? – спорит третий.

– Ну, значит, до войны.

– Меркурьев?

– Меркурьев.

– До войны?

– До войны.

– Да как же ты с ним в одном цехе мог работать, ты же до войны еще в школу бегал.

– Значит, после войны.

– Так после войны он же в кино снимался! – злится третий. – Он что же, сначала смену в депо отрабатывал, а после работы в Москве в кино снимался?

– Уж не знаю, как он все успевал, – оправдывается первый. Но у нас в цеху Меркурьев работал. Сразу после войны. Это точно.

– Так – то, быть может, другой Меркурьев? – предполагает второй старичок.

– Да нет, тот самый. Он еще про лодочку пел. Я хорошо помню.

– Не может быть! – пуще прежнего злится третий.

– Это почему же?

– Да потому, что ты врешь!

– Я вру?

– А кто же, я что ли? Я в те годы в первом цехе работал и ни какого Меркурьева из второго цеха не знаю. Отродясь не было у нас в локомотивном депо таких артистов!

– А у нас в цехе был.

– Врешь!

– А кто же тогда про лодочку пел?!

– Да про какую такую лодочку?!

Когда спор уже достиг апогея, вопрос вдруг задал самый молчаливый из старичков, четвертый:

– А ты где в локомотивном депо работал?

– Как где? В Ртищево.

– А ты где? – спрашивает четвертый третьего.

– В Ершове.

Разговор гаснет. Слышится чирканье спичек. Старички закуривают и долго сидят молча. Им бы на домино переключится или на какую – нибудь еще пенсионную забаву, но…

– А вот я помню в году 48 – м, – начинает третий, – дело как раз в апреле было…

И вновь вспыхивает разговор.

Оказия

Два известных профессора – орнитолога возвращались с утренней экскурсии. Полуденная жара уже закралась под пышные кроны деревьев не густого леса, пение уморенных духотой птах смолкло, полыхающее солнце слепило глаза. Однако оба старика выглядели весьма свежо, живо вели малопонятную нам беседу, часто употребляя жуткие термины, латынь и смачные словечки, укоренившиеся в их лексиконе еще со студенческих лет.

Ежики незатейливых причесок, отливающиеся почтенной сединой, остренькие редкие бороды, высокие лбы, изрезанные мелкими поперечными морщинками, худые шеи с навешанными на них биноклями и фотоаппаратами и шныряющие во все стороны выразительные глаза делали старичков почти неотличимыми друг от друга.

Ловко вскарабкавшись по склону песчаного холма, Александр Викторович Облаков первым обнаружил оказию.

– Коллега! – вскричал он восторженно. – Смотрите, Владимир Ильич, вы видите?

– Да, Александр Викторович, я ее еще чуть раньше заметил, почти у самого подножья холма, – спокойно произнес профессор Бараев.

– Кого её? – недоуменно спросил Облаков.

– Ну, как же. В ста метрах на северо – восток на сухом одиноком тополе я вижу молодую самку ушастой совы.

Профессор Облаков на мгновение опешил. В ста метрах на северо – восток на сухом одиноком тополе он отчетливо видел обыкновенного сыча.

– Коллега, – напевно протянул Облаков, – это же самец обыкновенного сыча. Обратите внимание на его характерную посадку, на то, как он головой крутит, наконец.

– Мой друг, вы несколько ошиблись, – с едва заметной укоризной сказал Владимир Ильич, поднимая бинокль к глазам. – Вы посмотрите на ушки, ушки – то как явно торчат. А когти? Где вы видели такие когти у сыча?

– Коллега, – нервно заикаясь от нахлынувшего волнения, спросил Облаков, также разглядывая предмет спора в бинокль, – какое у вас увеличение?

– Двенадцать крат, – гордо ответил Бараев.

– То – то, Владимир Ильич, то – то. С вашим то, увеличением, – и он сочувственно махнул рукой. – Не то, что в лесу, в женском общежитии делать нечего. Вы на клюв посмотрите. Вы обратили внимание на клюв?

– Да что клюв? Что клюв! Вы что не видите, дорогой Александр Викторович, что у этой птицы глаза светло – желтые? Вы в каком университете учились?

– Ну, знаете, Владимир Ильич, – преднамеренно растягивая слова, съязвил Облаков, я вижу, разбираетесь вы в ночных хищниках, как моя вторая теща в эволюции грызунов.

– Что?! – вспылил Бараев. – Это я – то не разбираюсь? А кто, по – вашему, написал монографию по полярной сове? Кто защитил докторскую диссертацию по орнитофауне Нижнего Поволжья? И кто читал лекции по зоологии позвоночных в нашем университете до недавнего времени?… Хм, я не разбираюсь… Подумаешь, специалист выискался!

– Что вы в меня пальцем тычете? – обижено воскликнул Облаков. – Я автор семнадцати статей и двадцати одного тезиса по хищным птицам!… И печатаюсь, между прочим, в авторитетных журналах.

– Что? Журнал «Биология и домоводство» вы считаете авторитетным журналом? Боже мой, какая наивность! Вы бы еще в «Мурзилке» напечатались.

– «Биология и домоводство»? А что, нет? Да его главный редактор академик Бурев ученый с мировым именем, один из известнейших специалистов по экологии домашних птиц!

– Кто!? Бу – рев? – ядовито усмехнулся Бараев. – Этот прыщ знаменитейший орнитолог? Этот законченный маразматик – светило? Да он даже не знает, как ворону по латыни назвать! Это он – то специалист? Ну, знаете, коллега!

– А кто – же, ваш прелюбезнейший Шламов – специалист? Тоже мне – деятель науки. И вы перед ним как собачка, ти – ти – ти, ти – ти – ти, на задних лапках. Уважаемый Савелий Петрович. Уважаемый Савелий Петрович! Как ваше бесценное здоровье? Ти – ти – ти, ти – ти – ти. Авторитетный ученый! Да над ним же весь мир хохочет. И как это такие бредовые мысли так обильно лезут в голову, посещают его могучий мозг? Вот уж действительно, дурные мысли могут прийти только в абсолютно дурную голову, примером которой и является то утолщение шеи, к которому вы с таким вниманием прислушиваетесь!

– Ах, вам, милейший мой, не по нутру гипотеза Савелия Петровича? Ни вы, ни этот ваш сморчок из зоологического института ни черта в ней ничего не смыслите. Да что вы, собственно говоря, можете предложить взамен? Вы и вся ваша шайка – лейка?

– Что? Это моя – то кафедра – шайка – лейка?! Стыдитесь, Владимир Ильич. Это ваш аспирант Кругликов сдал кандидатский экзамен по специальности лишь с третьего захода, а соискатели защищаются по пятнадцать лет. Это ваш доцент Груздев вместо «млекопитающие» сказал «млекопитающиеся». Да где? На международном симпозиуме!

– Причем здесь Груздев? – резко перебил его Бараев. Он уже второй год как на пенсии. Кстати, это вы были его официальным оппонентом по кандидатской диссертации. Что же не критиковали, а молчали в салфеточку?.. А то я смотрю, аспирантка Градова берет уже второй академический по факту очередной беременности.

– А что Градова? – затараторил Облаков. – Причем тут Градова? Я сам по себе, она сама по себе.

– Ладно, ладно, Александр Викторович, весь факультет знает о ваших шашнях. Стыдитесь хотя бы студентов. Уж я не знаю, право!

– А у вас, между прочим, дорогой Владимир Ильич…

Так увлечено перебраниваясь, профессора неожиданно для себя уперлись в тот самый злосчастный тополь. Первым очнулся профессор Облаков. Он резко вскинул взгляд на верхушку дерева и оторопел. Его волнение пополам с жутким ужасом передалось Бараеву, тот победно ухмыльнулся и уверенно глянул вверх. Его улыбка мгновенно сошла с лица, которое тут же передернулось от налетевшего обольщения. На сухом тополе сидела не ушастая сова и не обыкновенный сыч. Это по весне юннаты прибили новый скворечник.

Дед Григорий

Для многих станичников дед Григорий был личностью незаурядной, даже легендарной, своего рода местной достопримечательностью, родимым пятном. И о том, что он гонит самогон, причем самый лучший в округе, было известно всем от сопливых пацанов до дряхлых старцев. И никого это не удивляло, и даже можно уверенно сказать, зная привычки и обычаи станичников, что удивило бы их скорее обратное, а именно, если бы дед Григорий бросил заниматься своим любимым делом.

Сменялись генеральные секретари, рождались, вырастали и уезжали в город дети, неуклонно заглублялись окрестные овраги, периодически что – то преобразовывалось, менялось, но все это никак не влияло на дедово пристрастие, на его природный, познавательный интерес, дотошность и смекалку. Не менялась и такса. Как стоила трехлитровая банка ядреного первача червонец, так и никакие разорительные реформы не поколебали дедовых взглядов на ценообразование. Ни у кого из местных и мысли не возникало затевать что – либо не хорошее против деда Григория. Да и как можно было затевать какую – нибудь пакость против всеобщего любимца. Однако, все же одно такое посягательство, сразу после печально известного указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом, таки случилось.

От некоего Доброжелателя с красивым и ровным почерком местный участковый Сашка Хват стал регулярно получать анонимки, в которых неизвестный грамотей мастерски рассказывал всю звериную и кулацкую сущность деда Григория. А так как Сашка Хват был не особый мастак в канцелярском деле и, честно говоря, ни хрена не знал, что же он обязан делать с подобными депешами, да еще потому, что обличаемый доводился ему троюродным дедом, который частенько угощал своего внучка целебным зельем, то подобная документация транзитом препровождалась в Сашкин сортир. Там она аккуратненько подкалывалась на соответствующий ржавый гвоздик. Вот уж, действительно, бумага все стерпит!

Доброжелатель явно был нездешним, так как не знал реальных масштабов местной мафии, то есть и не предполагал даже, что не только председатель колхоза, но и все правление по веским причинам покрывало дедово увлечение. Кроме того, графоман оказался весьма настырным, и Сашка уже серьезно подумывал о том, чтобы не выписывать на будущий год газет. Зачем попусту тратиться, когда и казенную бумагу не успеваешь расходовать.

Но вдруг незнакомец замолк. Сашка не просто удивился этому, он обиделся до корней волос. Все же ему было приятно, когда в очередной раз к нему обращались на Вы, по имени – отчеству, официально и со значением. После таких писем Сашка надевал свой милицейский картуз, важно расхаживал по улице, по – петушиному задрав голову, здоровался через одного и пренебрежительно бормотал: «Ну, ты мне еще поговори», – особо непочтительным станичникам. Однако Доброжелатель оказался гораздо хитрее и коварнее, чем это предполагалось. Он не успокоился и стал писать выше, аж самому начальнику РОВД Ивану Ивановичу.

Иван Иванович еще мальцом знавал деда Григория. И не просто знавал, а был им дважды бит хворостиной после того, как неудачно оба раза слазил в дедов огород за малиной. К тому же, вторая его теща доводилась племянницей деду Григорию. Иван Иванович строил свои отношения с тещей традиционно, и если сюда еще добавить детские обиды, то можно себе представить те глубокие чувства, которые переполняли вспыльчивое и капризное сердце усердного служаки, когда ему на стол легло аккуратное письмецо без обратного адреса, но с неопровержимыми уликами.

Иван Иванович не привык мешкать. Он был научен принимать меры и потому предварительно прокашлявшись, а без этого командный голос не получался, он решительно, хотя и с восьмого раза, набрал заветный сельсоветский номер телефона. Заканчивался обеденный

перерыв, и потому трубку сняла бабка Лукерья, которая уже домывала полы и собиралась запирать сельсовет. Время стояло напряженное, сенокосное.

Иван Иванович постарался по – культурнее объяснить нерадивой бабке, что завтра он де сам лично прибудет с обыском, что Сашка Хват нашел заранее понятых, да потолковее, да чтоб те были трезвыми и что завтра спозаранку они будут «вязать деда Григория».

Однако речь у него получилась невнятная, неубедительная, слова подобрались какие – то невыразительные, и от всего сказанного веяло газетной казенщиной. Да и бабка Лукерья усомнилась в том, что звонит высокий начальник, аргументируя свое сомнение тем, что, мол, районное начальство так не разговаривает, а другое для нее не указ. Поэтому Иван Иванович еще раз, от души, как это водится, без стеснения, доходчивыми для бабки понятиями объяснил самую суть и напоследок пообещал содрать семь шкур и все такое прочее.

Теперь бабка усекла, прониклась важностью поручения, и побожилась всеми святыми исполнить все, как ей было дважды приказано. Иван Иванович бросил вспотевшую трубку на рычаги телефона, смачно выругался и для порядка устроил разнос своему шоферу, ибо знал твердо, попроси по – хорошему, завтра в самый ответственный момент либо колесо спустит, либо какая – нибудь гайка отвинтится, либо и то, и другое случится одновременно. И лишь выплеснув вскипевшие страсти наружу, Иван Иванович успокоился, пришел в хорошее настроение и, насвистывая прошлогодний шлягер, взялся за составление плана – графика дежурства районного ДНД.

Бабка Лукерья в революцию была неплохим филером. И она точно знала, что Сашка Хват вторую половину дня проводит с полногрудой Любкой, рано овдовевшей блондинкой, которая в свои тридцать с небольшим лет не потеряла глубоких чувств и понятных желаний. Именно туда, на другой конец станицы и направила бабка Лукерья свои больные стопы и как могла, в меру своего дремучего склероза, передала суть приказа в миг обалдевшему при этом Сашке.

Тот стоял с выпученными глазами, без рубахи и босой на свежевыкрашенном крыльце и не мог понять, то ли бабка съехала с ума, то ли дело действительно «труба» и надо срочно что – то предпринимать.

Но тут выскочила бесстыжая Любка, вся раскрасневшаяся и взволнованная, с распущенной косой, в замызганном, наспех наброшенном халате, перекинулась с бабкой матюгами и сделала следующее заключение: деда Григория надо срочно спасать.

Дед Григорий жил у Любки в соседях, если мерить напрямки огородами, то метров триста, так что Сашка, чтобы не терять драгоценного времени, прямо полунагишом, без рубахи и сапог ломанулся по картошке, сигая из стороны в сторону, будто затравленный заяц.

Дед по своему обыкновению сидел на крыльце и мастерил цигарки. При виде несущегося Сашки дед приподнялся на ногах, приложил руку к папахе, но все равно не признал охальника и в сердцах обложил участкового отборным фольклором на предмет варварского топтания грядок.

Сашка подлетел к деду и долго сбивчиво объяснял, крутил в воздухе руками, показывая в сторону райцентра. Говорил, что все фляги надо срочно опорожнить, вымыть, аппарат обязательно спрятать в надежном месте, что делать все это надо срочно, прямо сейчас, а то будет поздно, что горит деду большущий штраф, и что если нужно, то он попросит Любку и та ему во всем поможет.

Дед Григорий воспринял такую весть без эмоций, успокоил Сашку, налив ему два стакана по двести первоклассной бражки, и пообещал к вечеру навести у себя полный порядок. Сашка довольный и под «мухой» вернулся к Любке доедать поостывшую яичницу.

Дед же вошел в избу, окинул хозяйским взглядом свой пятистенок с одиннадцатью окнами, заглянул поочередно в каждую флягу. Эту пора перегонять, вон та подоспеет через два дня, эта еще играет, а вон ту только вчера зарядил. Ну, как такое богатство вылить?

Да пропади они все пропадом! Да не выдержит же его, не знавшее инфарктов, но одинокое и измученное бесконечными обещаниями лучшей жизни сердце такой потери. Старуха померла, дети давно поразъехались. Самогоноварение было вовсе не наживой, а единственным увлечением, последним интересом в жизни. Отними его – и нет деда.

Первую флягу дед к вечеру выгнал. По старому обычаю казаки вбивали в подоконники сбоку гвоздики, а зимой подвешивали на них пустые бутылки, и сконденсировавшаяся на стеклах влага по каплям стекала в них. Дед Григорий снял с гвоздиков пустые бутылки, заполнил их самогоном и подвесил вновь. А в освободившуюся флягу он налил кипятку, добавил немного стирального порошка. Побултыхал содержимое тряпкой. Да разве же отмоешь этот въедливый запах! Пустая затея. Захлопнул дед крышку, выкатил флягу на видное место, укутал ее телогрейкой и отправился спать.

А на утро, чуть свет, подкатил к дедову крыльцу «уазик» и из него вышли в порядке важности Иван Иванович, его заместитель по политической части, Сашка Хват, Егор Меринов и Степан Полуянов. Двое последних «гостя» были представлены деду как понятые. Дружно ввалились в избу, сладкий запах бражки с потрохами выдал деда. Иван Иванович открыто злорадствовал. Сашка угрюмо смотрел в сторону, понятые тайными знаками давали понять деду, что они тут не причем, подневольное, дескать, дело.

Стали составлять протокол. Иван Иванович открыл первую флягу, нюхнул содержимое и радостно законстатировал: бражка. А дед гнет свою линию: не бражка и все. Судили – рядили еще пару минут, а затем Иван Иванович решил произвести экспертизу на месте. Подозвал он первого понятого, помятого, болеющего с похмелья мужика, зачерпнул до краев литровую кружку из той самой фляги и протянул на пробу. Тот отхлебнул, скривился весь и выдал печальный результат: не бражка. Ну что ж, его, Иван Ивановича, не объегоришь, он – то знает, что там во фляге. Это Егор покрывает деда, не хочет выдавать старика. Что ж, ему это зачтется. Подозвал Иван Иванович второго понятого, тот хлебнул из кружки и тоже мямлит: не бражка, мол. Ладно, и ему это просто так не пройдет! Сашка Хват попробовал из кружки, аж передернулся весь и тоже туда же: не бражка и все. И какого же было удивление районного начальника, когда и его заместитель по политической части, бывший инструктор райкома партии, отрицательно покачал головой. Тут уж Иван Иванович не выдержал, он понял, что они все сговорились против него. Но ведь его все равно не проведешь, он – то вкус браги знает хорошо, и после короткого ехидного тоста за здоровье деда и всех присутствующих он одним махом ахнул из кружки сам. Дыхание его тут же перехватило, рот наполнился противной вонючей пеной, желудок съежился. Иван Иванович стоял посреди хаты с пустой кружкой в руках, пузыри на его губах быстро надувались и переливались всеми цветами радуги. Сквозь них он спросил у деда о той дряни, которая находится у него во фляге.

Дед Григорий был мужиком основательным, рассудительным, спешки не любил. Дело, мол, обычное, бабка у него недавно представилась, а соседские старухи, которые ее отпевать приходили, строго – настрого наказали, что воду, в которой ее обмывали, по старому поверью, нельзя полгода выливать. И никакая это вовсе не бражка, а та самая вода, в которой бабку, перед тем как похоронить искупали.

Рвота открылась у всех пятерых одновременно. Иван Иванович, загремев в прихожке помойными ведрами, тараканом вылетел во двор, матерно охая, сквозь лопающиеся мыльные пузыри.

«Уазик» удалялся, прыгая на кочках так, что на повороте отвалилось запасное колесо. Начальник милиции спешил в районную больницу промывать желудок.

А дед Григорий стоял на своем покосившемся крыльце и застенчиво улыбался в усы, попыхивая цигаркой. День только начинался, настроение было хорошее.

А вот кто накляузничал на деда, так до сих пор и неизвестно.

Старики и разбойники

– Слышь, Добрыня, малому больше не наливай, – сурово промолвил кряжистый старец, ухватив граненый стакан могучей ладонью, в которой тот смотрелся не больше наперстка. – Алешка как только врежет лишку, так его на барышень тут же тянет. А нам расслабляться нельзя, нам службу надо ратную нести.

Тут, как по волшебству, двери сторожки распахнулись, и в комнату влетела перепуганная Анфиска, председателева секретарша.

– Дядя Добрыня, дядя Илья, – затараторила она умоляюще. – Там Петрович вас спешно просит, нужны вы ему позарез!

– Что там опять приключилось? – повеселел Илья. – Опять набег что ли?

– Да нету времени мне тут вам подробности пересказывать. Собирайтесь скорее, да эти, как их там, кольчуги свои надеть не забудьте!

– Что, так серьезно? – удивился Добрыня.

– Да не ведаю я толком, – защебетала Анфиска, – только дело срочное. Вы поспешайте, а я побегу. Очень уж любопытно посмотреть, чем же все это закончится.

И, хлопнув дверью, пуще ветра пронеслась перед окнами.

– Вот, егоза! – заулыбался Алеша. – Княжну Ольгу мне напоминает.

– Ну, ты, донжуан с картины Васнецова! Ты с нами пойдешь или эротику по видику смотреть останешься?

– Эх, Илья, Илья! – закачал Алеша головой. – Сколько уж лет мы вместе службу ратную несем, сколько ворогов земли русской на копья свои нанизали, сколько меда – пива за одним столом выпили, а так ты душу мою тонкую, поэтическую и не понял. Ладно, где моя кольчуга?

Старцы по очереди, осторожно, чтобы могучими плечами не вырвать дверные косяки, вышли во двор. Со стороны правления раздавались какие – то истерические вопли.

– Как пить дать – набег! – нахмурился Добрыня. – Пойдемте живее.

И старцы прибавили шагу.

– Эх, палицу я свою забыл, – пожаловался Илья. – Склероз ведь у меня. Что ж ты мне, Добрыня, про нее не напомнил?

– А у меня, что думаешь, геморрой, что ли? – обиделся Добрыня. – Да у меня склероз похлеще твоего будет. Это вон Алешка все помнит. Особливо по амурной части.

У правления старцы заметили два «Мерседеса». Вокруг толпились молодые бритоголовые парни в кожаных куртках, спортивных штанах и кроссовках импортного пошива. Один из них держал председателя за горло и что – то ему с пеной у рта злобно объяснял.

– Эй ты, сморчок в подштанниках, – пробасил Илья, – ты пошто это председателя нашего за кадык держишь?

Бритоголовый отпустил Петровича и с любопытством уставился на старцев. Постепенно мутные его глаза стали наливаться новой порцией крови.

– Крыша моя, – прохрипел Петрович, – представляя старцев.

– Эти дрова? – ядовито ухмыльнулся бритоголовый.

– Хто такие и откель? – грозно спросил Добрыня, нервно подергивая плечами.

– Мы? – удивился бритоголовый. – Мы – рэкетиры. Дань собираем. А вы, старикашки, шли бы вон туда, – и наглец указал в сторону мельницы, – кладбище, по – моему, там.

Кожаные дружно заржали.

– Рэкетиры, – задумался Алеша и начал перечислять, загибая пальцы, – половцев били, печенегов били, хазаров били, монголо – татар били. Деникинцев, помню, били. Кто такие рэкетиры? Немчура, что ли?

– Крест! – заорал бритоголовый. – Убери стариканов с горизонта!

Молодой, атлетически сложенный юноша выскочил из толпы рэкетиров и подлетел к Алеше, дико щерясь:

– Вали отсюда, пень трухлявый, пока я тебе чакан не расколол!

– Чудно говорят, точно басурман. Ты, Добрыня, хоть что – нибудь уразумел из его речи?

Крест присел в какой – то вычурной позе и с криком «киа» рванулся к Алеше, пытаясь пяткой угодить ему в лицо.

– Что ж ты такой нервный? – удивился Алеша, хватая рэкетира за пятку. – Куда ж ты ногу свою суешь, лярва ты поганая?

Алеша сжал в кулаке вражескую пятку, раздался хруст костей и звериный вопль рэкетира. Алеша разжал кулак. Крест рухнул у его ног, извиваясь, словно обезглавленная змея, задыхаясь от собственного крика.

Бритоголовый знаком подал команду. Кожаные выхватили нунчаки.

– Ну, козлы! – завопил бритоголовый, переходя на мат. – Щас мы вас в натуре уроем!

И рэкетиры «свиньей» двинулись на богатырей.

– Слышишь Добрыня, – поинтересовался Илья, – что это они за хреновины в руках крутят? Чудные, вроде французских мушкетеров. Жаль, палицу я свою дома оставил.

– Как дома? – удивился Алеша. – Это ведь у вас склероз, а по моей молодости этой болезни не полагается. Держи, Илья, свою палицу.

И Алеша протянул Муромцу его оружие.

– А ну, разойдитесь, други, – допросил он Алешу с Добрыней, поплевывая на ладони, – а то зашибу ненароком. На глаза я что – то стал слаб в последнее время!

Кожаные резко остановились, попятились, но Илья уже раскрутил свою семипудовую палицу. Налево махнул – и вколотил бритоголового в землю, как гвоздь, по самую шляпку. Махнул направо – и груда металлолома осталась от «Мерседесов». Махнул прямо… Да зря старался. Вороги врассыпную тикали в сторону мельницы.

Опустил Илья палицу, подмигнул председателю, развернулся в сторону дома и, побрел не спеша, своею дорогою. Рядом с ним шли неразлучные его сотоварищи Добрыня Никитич и Алеша Попович.

– Ливонцев били, – загибал пальцы Попович, – тевтонцев били, шведов били, немцев били. Петлюровцев, помню, с махновцами били. Буденовцев с чапаевцами тоже били…

Когда же покой да благодать – то на Руси настанут?!

Межгалактический контакт

Дело было так. У меня в огороде НЛО приземлился. Ну, это тарелка такая большая, куба на три емкостью, если кто не видел. Прямо на грядку с редиской сели. Я выхожу, значит, из погребки с лопатой, а они гуськом возле своего аппарата ходят и меня вроде как не замечают. Махонькие все такие, лупоглазенькие, ушки торчком, нос пятачком, на головах лампочки мигают. И спецовки на них блестящие без пуговок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.